

Ян Клаас Берендс

Истоки сегодняшней политики памяти Кремля: исторические корни и политическая функция культа победы в путинской России*

Переполюх вокруг триумфального мотопробега байкерского клуба «Ночные волки» из Москвы в Берлин стал причиной того, что традиция памяти о Великой Отечественной войне в России попала в центр внимания немецкой общественности. Едва ли какая-либо другая страна в мире проводит на сегодняшний день настолько агрессивную историческую политику как Россия. Толкование событий новейшей истории является в эти дни еще одним полем противостояния Москвы и Запада. Тем не менее, этот конфликт в области исторической политики уходит своими корнями намного дальше сегодняшнего кризиса отношений между Востоком и Западом. Начиная с окончания Второй мировой войны, советское правительство поддерживало особую форму памяти, являющуюся одновременно и формой забвения. Именно она стала определяющим элементом в формировании культа Великой Отечественной войны, которая и по сей день накладывает на него определенный отпечаток.

Вначале был Сталин. После нападения нацистской Германии на СССР советский диктатор ввел в обиход понятие «Великой Отечественной войны», тем самым проведя прямую параллель с Отечественной войной 1812 года против Наполеона. Таким образом он осознанно придал этому противостоянию характер, присущий национально-имперской традиции России, – борьба против фашизма отошла сначала на второй план. Не идеологические, а национальные и народные традиции нашли свое отражение в советской военной пропаганде. Так, еще в начале лета 1941 года Кремль инсценировал международное «славянское движение», которое должно было поддержать советскую оборону. Одновременно проводилась выборочная реабилитация героев и символов имперского прошлого.

Однако после триумфа 1945 года все внимание было обращено на самого победителя и освободителя. Память о войне стала частью культа личности Сталина, чей образ до 1953 года доминировал в советском обществе. В сталинские годы началось агрессивное вмешательство власть имущих в коллективную память, продолжающееся до сих пор. Фильмы *Сталинградская битва* (1949) и *Падение Берлина* (1949-1950) зафиксировали общепринятый нарратив на пленку. Уже тогда обозначилось влияние культа победы на культуру, от имени которого на свет

* Статья ранее публиковалась на немецком языке на сайте *Zeitgeschichte Online*. (Некоторые положения статьи не соответствуют мнению редакции – прим. ред.)

появлялись и продолжают появляться все новые артефакты. Рядом с могущественной персоной Сталина места для других героев не оставалось. В советском мире могла существовать только память о деяниях вождя. Его личность затуманивала взгляд на цену, которой досталась эта победа. События 1939-1945 годов оставались табу, а сакрализация 9 мая 1945 года одновременно означала, что разговоры об историческом контексте этих событий были запрещены¹.

Еще во время своей речи 24 мая 1945 года Сталин выпил в первую очередь за здоровье русского народа и поблагодарил его за лояльность и принесенные им жертвы. Тем самым он заложил основы официальной политики памяти, которая является частью культа победы по сегодняшний день. Ее основой является превосходство русского народа. Его роль превозносилась как по отношению к другим народам СССР, так и по отношению к западным державам, чьи усилия в борьбе против национал-социалистов преуменьшались. На моральную заслугу за победу над нацистскими убийцами притязали Сталин и Советский Союз. ореол славы вокруг «победителей фашизма» способствовал усилению притягательности СССР – особенно на Западе. Возвеличивание Сталина как «освободителя Европы» увеличивало его престиж и одновременно способствовало тому, что память о терроре 1930-х годов и пакте Молотова-Риббентропа постепенно тускнела. Во многих уголках Европы по приказу Сталина общепринятый нарратив о войне был увековечен в камне – возводились военные мемориалы. По сей день в берлинском Трептов-парке можно полюбоваться сталинским монументализмом, чья величественность преграждает взор на присущую истории амбивалентность.

После 1956 года в рамках десталинизации традиция памяти о войне претерпела некоторые изменения. С этого времени в официальном дискурсе появилась память и о ее жертвах: число погибших возросло. Тем не менее, судьбы гражданского населения в годы войны стали предметом обсуждения лишь отчасти. Основные же мотивы сталинского культа победы остались нетронутыми. Период между летом 1939-го и нападением нацистской Германии на СССР по-прежнему оставался вне официальной дискуссии. Военное фиаско лета 1941-го, дезертирство и коллаборационизм, судьбы советских военнопленных, темы Холокоста и депортации различных этнических групп оставались табу. И все же при Хрущеве появилось пространство для мнений, отличающихся от официального; некоторые группы жертв были реабилитированы. Культ победителей отныне включал заслуги простых солдат и офицеров. Попавший в немилость Сталин был лишен своего титула организатора победы.

Советское руководство под началом Брежнева и его преемников (1964-1985) использовало культ победы в Великой Отечественной войне с целью легитимации социалистического порядка. Сакрализация победы в войне над нацистской Германией избавляла правящий режим от необходимости критической оценки

¹ (Говоря о сакрализации 9-го мая 1945 г. автор не учитывает того факта, что при Сталине День победы был лишен статуса государственного праздника – *прим. ред.*)

собственного прошлого. В связи с тем, что упор делался на триумф 1945 года, не было необходимости говорить о поражениях предыдущих лет. Таким образом, невыполненные обещания партийных руководителей имели не столь большое значение, а преступления советского правительства приобрели исторический смысл: они были объявлены необходимыми условиями, без которых победа была бы невысказима. В 1965 году День победы был объявлен выходным днем, и праздник обрел тот статус, который он имеет по сегодняшний день. В 1967 был возведен мемориальный ансамбль на Мамаевом кургане в память о Сталинградской битве. Тем самым брежневская эпоха увековечила в камне исторический триумф. В 1975-ом коммунистический режим с большой помпой отметил 30-й юбилей победы над гитлеровской Германией. Как и во времена Сталина, культ победы стал связываться с биографией правителя: преувеличение роли Брежнева в войне стало частью официальной мифологии.

При Горбачеве, с началом гласности, началось развенчание советского культа победы. После некоторого промедления публицисты и историки стали рассматривать историю Второй мировой войны в ином ключе. Предпринимались отдельные попытки покончить с изолированным рассмотрением немецко-советской войны и сместить фокус на интернациональный характер Второй мировой. Но подобные дискуссии об итогах войны оказались взрывоопасной темой и явно не способствовали укреплению единства внутри СССР. Наглядным примером послужила ситуация в Прибалтике и Западной Украине. Если триумф 1945-го не мог оправдать советского господства, то что же тогда являлось главным смыслообразующим событием русской истории XX века?

Вслед за либеральными горбачевскими годами и правлением первого российского президента Бориса Ельцина его преемником Владимиром Путиным был возрожден культ Великой Отечественной войны сразу после его прихода к власти в 2000 году. Как и при его советских предшественниках, историческая политика эры Путина служит, прежде всего, для легитимации режима и превозношения собственной истории. Спорные аспекты прошлого исключаются из официального дискурса, исследования, содержащие критику, не допускаются, в то время как ударение ставится на «особый путь» России. Сегодняшняя российская историческая политика делает ставку на конфронтацию вместо примирения, на забвение вместо воспоминания, на империю вместо нации, на однозначность вместо амбивалентности и на величие вместо смирения. В прошлое десятилетие из времен Сталина и Брежнева в российскую общественность силой вернулся гипертрофированный культ Дня победы², носящий сентиментально-крикливый характер. Радикализация последнего года распространяется и на историческую политику.

С началом украинского кризиса приходится наблюдать, как нарратив вокруг «борьбы над фашизмом» используется с целью мобилизации российского общества против майдановского движения и нового правительства в Киеве. Ношение

² (См. предыдущее примечание редакции.)

георгиевской ленточки – отныне официальный символ памяти о победе 1945-го – является не только почтением перед жертвами этой страшной войны, но и выражением лояльности по отношению к Кремлю и его политике на Украине, и даже более того. Так, история прошлого столетия в современной России, так же как и в советское время, является инструментом власти. Те, кто не являются сторонниками официальной национальной идеи, не входят в идеализируемое сообщество российских патриотов. Во внешней политике культ Великой Отечественной войны также служит инструментом для изоляции страны от своих европейских соседей. Для поляков и прибалтов подобная национальная идея неприемлема. Она разделяет российское общество так же, как разделяет Европу.

Современные государства пытаются использовать в своих целях собственную историю, чтобы поставить под контроль национальную идею. В то же время официальная историческая политика государства является индикатором формы правления. Россия в этом случае скорее правило, чем исключение, однако история зачастую слишком неоднозначна. Официальный нарратив сдается под напором личных воспоминаний. Так было в Советском Союзе, так продолжает быть и в России. По ту сторону от помпезных парадов находит свое отражение альтернативный взгляд на вещи – в семье, в повседневной жизни или в поп-культуре. В 70-ю годовщину победы стоит проанализировать представление, устроенное Москвой, и задаться вопросом, какое значение имеет историческая политика Кремля для сегодняшней Европы. Однако даже в трудные времена, вдали от шума военной техники на Красной площади, необходимо помнить в первую очередь о жертвах этой войны и не упускать из вида тот факт, что на постсоветском пространстве существует многообразие воспоминаний о событиях тех лет. Стоит запечатлеть на бумаге истории, которые не являются частью национальной идеи, чтобы не потерять контакт с теми, кто старается держаться на расстоянии от наигранного пафоса, напускаемого властью имущими. Смирение и интерес нам больше к лицу, чем поддельная гордость – это касается и России, и Европы.

Перевод с немецкого Екатерины Акопян